

В. Ю. Даренский

**О. Шпенглер как продолжатель идей
русской философии**

УДК 1(430)(091)+1(470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_119
EDN JKVVCC

Аннотация: В статье рассмотрено наследие О. Шпенглера с нетривиальной точки зрения — как спонтанное продолжение ряда идей «славянофилов». Анализируются эти идеи, которые затем были обнаружены у О. Шпенглера его русскими критиками. Отдельное внимание уделено самому первому и самому ценному до настоящего времени отзыву на «Закат Европы» в России — сборнику статей 1922 г. «Освальд Шпенглер и закат Европы», а также и более поздним наиболее интересным интерпретациям О. Шпенглера в России. Показано, что русские философы были не только поклонниками или критиками О. Шпенглера, но и развивали его «славянофильские» идеи.

Ключевые слова: О. Шпенглер, историософия, Россия, славянофильство.

Об авторе: **Виталий Юрьевич Даренский**

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Для цитирования: Даренский В. Ю. О. Шпенглер как продолжатель идей русской философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 119–130.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1 (16)

2024

Vitaly Yu. Darensky

O. Spengler as a continuator of the ideas of Russian philosophy

UDC 1(430)(091)+1(470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_1_119
EDN JKVVCC

Abstract: The article examines the legacy of O. Spengler from a non-trivial point of view — as a spontaneous continuation of a number of ideas of the “Slavophiles”. These ideas are analyzed, which were then discovered by O. Spengler by his Russian critics. Special attention is paid to the very first and most valuable to date review of “The Decline of Europe” in Russia — a collection of articles from 1922 “Oswald Spengler and the Decline of Europe”, as well as the later most interesting interpretations of O. Spengler in Russia. Russian philosophers were not only fans or critics of O. Spengler, but also developed his “Slavophilic” ideas.

Keywords: O. Spengler, historiosophy, Russia, Slavophilism.

About the author: **Vitaly Yurievich Darensky**

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

For citation: Darensky V. Yu. O. Spengler as a continuator of the ideas of Russian philosophy. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 1 (16), pp. 119–130.

Такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это — нашего стиля книга.

Но новы ли эти мысли? Нас, русских, нельзя паразитить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между культурой и цивилизацией. Все русские религиозные мыслители утверждали это различие. Все они ощущали некий священный ужас от гибели культуры и надвигающегося торжества цивилизации.

Н. А. Бердяев

Зависимость О. Шпенглера от русской историософии уже отмечена исследователями: «характеристика славянской истории, русской культуры, реформ Петра I, нигилизма, подражания Западу, сопоставление Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого со всеми их ошибками и проницательностью во многом усвоены им из работ славянофилов разных поколений. Тут нет личных откровений, а есть ученическое повторение»¹. И это тем более парадоксально, что в Европе в то время историософию славянофилов не знали вообще. Остается предположить, что на О. Шпенглера решающее воздействие оказал Достоевский, а также, возможно, работы «европейских славянофилов» того времени — таких, как А. Леруа-Больё, Э. Вогюэ и др. Иначе невозможно понять, на каком основании О. Шпенглером «ожидается рождение девятой, еще не рожденной культуры — русско-сибирской»². Историософия О. Шпенглера, а вместе с тем уже и ее преодоление русским умом, даны в стихотворении А. С. Хомякова «Мечта» (1835):

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.

А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолствовал, смирен и молчалив...

Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубокий...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснись, дремлющий Восток!

А. С. Хомяков называет Запад «страной святых чудес» (это выражение потом повторил и Достоевский) — то есть признает христианским, хотя бы и отпавшим от Православия. Главным «чудом» Запада стала созданная им культура, воплотившая в себе представление о человеке как образе и подобии Божию, но поскольку эта культура изначально была основана на разных ересьях, отпавших от Православия, то она была обречена на деградацию и упадок, которые как раз и стали очевидны в эпоху А. С. Хомякова. Русским ответом на это явилось возникновение сознательного мировоззрения, которое основано на защите православной цивилизации. Это мировоззрение с целью полного искажения его смысла назвали «славянофильством», однако суть его вообще не связана со славянами — это мировоззрение Православия.

¹ *Голосенко И., Султанов К.* Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 3. С. 53.

² *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Культура и религия. Ежегодник Философского общества СССР. М.: Наука. 1991. С. 194.

Сборник 1922 г. «Освальд Шпенглер и закат Европы»

О. Шпенглер исходил из совершенно иного представления и о Западе, и вообще о мировой истории. Православия для него не существует — он знает христианство только в его западном еретическом варианте, но даже и к этому искаженному христианству он не имеет отношения, явно будучи сугубо светским человеком. Его высказывания о христианстве и о религии в целом показывают, что О. Шпенглер не был религиозным человеком. Для него христианство — это не более чем исторический атрибут «фаустовской» культуры Запада, который будет ею утрачен после перехода ее в стадию «цивилизации». Поэтому совпадения у «славянофилов» и О. Шпенглера не связаны с общностью их мировоззрения, а объясняются тем, что они одинаково видели объективные факты. Тем более ценно то, что О. Шпенглер спонтанно воспроизвел ряд ключевых идей русской историософии.

Целью данной статьи является рассмотрение этих идей, которые затем были обнаружены у О. Шпенглера его русскими читателями-философами. Отдельное внимание будет уделено самому первому и самому ценному до настоящего времени отзыву на «Закат Европы» в России — сборнику статей 1922 г. «Освальд Шпенглер и закат Европы», а также и более поздним наиболее интересным интерпретациям О. Шпенглера в России.

В названной книге четырех авторов 1922 г. Н. А. Бердяев в блестящей статье «Предсмертные мысли Фауста» писал:

Шпенглер в русском Востоке видит тот новый мир, который идет на смену умирающему миру Запада: в его книжке «Preussentum und Sozialismus» посвящено России несколько страниц. Россия для него — таинственный мир, непостижимый для мира западного. Душа России — еще более далекая и непроницаемая для западного человека, чем душа Греции или Египта. Россия есть апокалиптический бунт против античности... Мы находимся в более благоприятном положении, чем Шпенглер и люди Запада. Для нас западная культура проницаема и постижима. Душа Европы не представляется нам далекой и непонятной душой. Мы с ней во внутреннем общении, мы чувствуем в себе ее энергию. И в то же время мы — русский Восток. Поэтому кругозор русской мысли должен быть шире, для нее виднее дали... мы неизбежно должны выйти в мировую ширь. Россия — посредница между Востоком и Западом. В ней сталкиваются два потока всемирной истории, восточной и западной. В России скрыта тайна, которую мы сами не можем вполне

разгадать. Но тайна эта связана с разрешением какой-то темы всемирной истории. Час наш еще не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры. И потому такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это — нашего стиля книга³.

В этих рассуждениях Н. А. Бердяева выражено самое главное «ядро» отношения России к О. Шпенглеру и его связь с русской историософией. Суть этого отношения состоит в «асимметрии»: России Запад понятен — как «свой», но сама Россия — не Запад, а свой специфический русский Восток. Поэтому Россия является уникальным местом, которое не погибает вместе с Западом, но способна спасти его культуру, поскольку она для России — фактически своя собственная. Для Запада же Россия — такая же «тайна», как и весь Восток вообще. Заслуга О. Шпенглера именно в том, что он сам увидел это с Запада, хотя обычно Запад этого не видит. Однако все это — идеи «славянофилов», переоткрытые для себя О. Шпенглером уже совсем с иной позиции — «изнутри» европейского культурного опыта.

Отрывается рассматриваемая книга статьей Ф. А. Степуна «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в которой автор восхищается «его изумительной по глубине интуиции и техническому мастерству работе историка физиономиста»⁴, но при этом больше делает акцент на главных противоречиях и парадоксах О. Шпенглера. Ф. А. Степун очень кратко перечислил основные тезисы О. Шпенглера и сформулировал два возможных отношения к ним, два способа их восприятия и вероятного дальнейшего развития. Так, «скептически-релятивистическое разрешение заключалось бы в неожиданном для Шпенглера признании, что его проникновение в души древних культур является в сущности проникновением иллюзорным, не размыкающим по-настоящему одиночества его западно-европейской души. Оно заключалось бы в утверждении, что познавая Грецию, Египет и Индию, Шпенглер в конце концов своими химерическими гаданиями об этих культурах реально познает только свою собственную душу европейца двадцатого века»⁵.

Однако Ф. А. Степуна больше привлекает совсем иной путь, который и был свойственен русской философии; он отвечает специфике русской историософии и, соответственно, русскому восприятию идей О. Шпенглера:

Но возможна попытка додумать Шпенглера до конца и в другом направлении, в направлении мистическом. Есть в «Закате Европы» одинокие, глухие места, в которых Шпенглер, оговариваясь, что здесь мистерия, боящаяся слов, говорит о мировой душе (*Urseelentum*), отпускающей к жизни души вселенских культур и принимающей их обратно в свое лоно по свершении ими своих путей. В этой мировой душе все вечно пребывает; в ней и поныне живы потерянные трагедии Эсхила, не как созданные формы, не как телесные вещи, не для дневного сознания человечества, но как-то иначе, в какой-то несказуемой, неразрушимой первосущности. Этими прозрениями Шпенглер прокладывает в сущности путь к утверждению всего того, что он всячески отрицает, к утверждению единого человечества, единой истории и прозрачности всякого ты, для всякого я. Пойди он этим путем, и все противоречия его системы разрешились бы в образе мистика-гностика. Однако Шпенглер только видит этот путь, но идти им он не идет. Но Шпенглер вообще никуда не идет и никуда не ведет...⁶

Таким образом, предполагается, что идти нужно именно в этом направлении, однако для О. Шпенглера оно остается закрытым в силу его светского, а не религиозного

³ Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 71–72.

⁴ Степун Ф. Освальд Шпенглер и закат Европы // Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 14–15.

мировоззрения. Идти этим путем могут только христианские мыслители, и в первую очередь русские — поскольку они избавлены от того состояния саморазрушения «фаустовской» культуры, в котором мыслит О. Шпенглер. Ф. А. Степун завершает свои рассуждения сентенцией: «Когда душу начинают преследовать мысли о смерти, не значит ли это всегда, что в ней пробуждается, в ней обновляется религиозная жизнь?»⁷ Тем самым, для русского восприятия «закат Европы» — это заря нового возрождения.

Эту идею продолжил С. Л. Франк в следующей статье сборника «Кризис западной культуры». Он начал с восторженной характеристики:

Книга Шпенглера «Закат Западной Европы» есть бесспорно самая блестящая и замечательная — в буквальном смысле слова — книга европейской литературы со времени Ницше, хотя далеко не самая глубокая и плодотворная. Первое впечатление от нее — просто ошеломляющее; почти неисчерпаемое богатство мыслей, глубина постановки вопросов в связи с широтой захвата — трудно привести пример книги, столь же универсальной, — яркость образов, блеск ума, художественная энергия литературного выражения, — все это сначала, при чтении первых же страниц книги Шпенглера, как-то гипнотизирует, чарует сознание и принудительно приковывает внимание⁸.

Для С. Л. Франка книга О. Шпенглера — это в первую очередь блестящий диагноз, который показывает не только картину упадка, но и ту скрытую жизнеспособность западной культуры, которая еще может быть использована для ее возрождения. Поэтому он делает такой вывод:

...не возвещая ничего нового, будучи проникнута пессимизмом и скептицизмом, эта книга, напоминая современному человечеству об истинных духовно-исторических силах культуры, идет навстречу его пробуждающейся жажде подлинного культурного творчества, его стремлению к духовному *возрождению*. Старое «возрождение» изжито и умирает, уступая место новому возрождению. Человечество — вдалеке от шума исторических событий — накапливает силы и духовные навыки для великого дела, начатого Данте и Николаем Кузанским и неудавшегося, благодаря роковой исторической ошибке или слабости их преемников. То, что переживает в духовном смысле Европа, есть не гибель западной культуры, а глубочайший ее кризис, в котором одни великие силы отмирают, а другие нарождаются⁹.

Оптимистическая позиция Ф. А. Степуна и С. Л. Франка относительно возможности возрождения западной культуры на основе возрождения ее религиозной основы (высказанная, впрочем, только в качестве общей надежды и лозунга, без каких-либо серьезных обоснований такой возможности) — эта точка зрения на самом деле есть не что иное, как старая «славянофильская» позиция почти 100-летней к тому моменту давности. Однако нужно заметить, что классические «славянофилы» были в этом вопросе более прозорливы, и уже почти не верили в возрождение Запада, ожидая его от России. В этом отношении *О. Шпенглер ближе к «славянофилам», чем позиция Ф. А. Степуна и С. Л. Франка*. Однако их воззрения в целом уравниваются в этом сборнике весьма скептическим мнением Н. А. Бердяева в этом вопросе. Н. А. Бердяев верит только в духовное возрождение России, которое должна стимулировать катастрофа 1917 г. и падение России под иго безбожников, а также общее духовное возрождение мира вследствие катастроф XX в. Но об особом возрождении Европы он не пишет. В книге «Новое Средневековье» он видел попытки возрождения Европы

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Франк С. Л. Кризис западной культуры // Там же. С. 33.

⁹ Там же. С. 54.

только в итальянском фашизме, что весьма показательно относительно перспектив такого «возрождения». В этой же статье о Шпенглере Н. А. Бердяев указывает на источник его духовной «слепоты»:

Шпенглер — арелигиозен. Он не только сам нерелигиозен, но он и не понимает религиозной жизни человечества. Он просмотрел роль христианства в судьбе европейской культуры. Это — самая поражающая сторона его книги. В этом ее духовное уродство, почти что чудовищность ее. Не нужно быть христианином, чтобы понять значение христианства в истории европейской культуры. Пафос объективности должен к этому принуждать. Но Шпенглер не чувствует себя принужденным к такой объективности. Он не созерцает христианства в истории, не видит религиозного смысла. Он знает, что культура религиозна по своей природе и этим отличается от цивилизации, которая безрелигиозна. Но религиозного смысла в культуре он не постигает. Он обречен себя чувствовать человеком цивилизации именно потому, что он безрелигиозен. Но ему дано было высказать самые благородные мысли, какие могли быть высказаны неверующей душой в наше время¹⁰.

Тем самым, парадокс О. Шпенглера состоит в том, что он сам является носителем того же духа упадка и разрушения, который он показывает в своем исследовании. Они пишет «изнутри» этого духа, порожденного секуляризацией. Однако основной посыл статьи Н. А. Бердяева состоит не в обличениях, а в глубоком проникновении в вязь судеб Запада и России. Об этом он пишет так:

Достоевский любил эти «старые камни» Западной Европы, «эти чудеса старого Божьего мира». Но он, как и К. Леонтьев, обвиняет людей Запада в том, что они перестали чтить свои «старые камни», отреклись от своей великой культуры и целиком отдались духу цивилизации! Достоевский ненавидел не Запад, не Западную культуру, а безрелигиозную, безбожную цивилизацию Запада. Русское восточничество, русское славянофильство было лишь прикрытой борьбой духа религиозной культуры против духа безрелигиозной цивилизации. Борьба этих двух духов, двух типов имманентна самому Западу. Это не есть борьба Востока и Запада, России и Европы. И многие западные люди чувствовали тоску, переходившую почти в агонию, от торжества безрелигиозной и уродливой цивилизации над великой и священной культурой... Не только русские замечательные люди, но и наиболее чуткие и тонкие западные люди с тоской ощущали, что великая и священная культура Запада погибает, умирает, что ей на смену идет чуждая им цивилизация, мировой город, безрелигиозный и интернациональный¹¹.

Таким образом, по Н. А. Бердяеву, гибель культуры Запада не только закономерна и давно ожидаема, но и необходима для того, чтобы на ее место пришла новая христианская культура, которую способна создать Россия. Русские философы знали об этом задолго до Шпенглера (почти на 100 лет раньше, если вести отсчет от романа «Русские ночи» В. Одоевского, где была впервые сформулирована эта мысль), и вот это время пришло.

Четвертая статья в этом сборнике принадлежит Я. М. Букшпану (1887–1939) — экономисту, который в то время был профессором Московского университета, не эмигрировал и позже был расстрелян. Это был своего рода философ-любитель, но с весьма оригинальной позицией, схожей с философией Л. Шестова. Суть его упреков О. Шпенглеру состоит в том, что в своей книге в форме, по сути, художественного произведения об истории О. Шпенглер на самом деле мыслит весьма расхожими

¹⁰ Бердяев Н. А. Предсмертные мысли Фауста. С. 59–60.

¹¹ Там же. С. 66.

рационалистическими схемами, которые были созданы задолго до него. Он находит также следующие аналогии:

...выход из кризиса европейской культуры должен, казалось бы, заключаться в преодолении безмерного, мертвящего культуру рационализма. Вся философия Шпенглера есть, наоборот, художественное утончение, симфонический апофеоз разума. Его философский рационализм — чисто языческого происхождения от Аристотеля и Платона и при этом поразительно проникнут иудаистической стихией. Его скептицизм и ахристианская настроенность чрезвычайно напоминают величайшего иудейского философа XII в., воспитанного на Аристотеле и арабской культуре, — Маймонида, восторженного апологета человеческого разума¹².

Необычная и столь ярко выраженная позиция Я. М. Букшпана и была, очевидно, причиной включения его небольшой статьи в этот сильный сборник. В настоящее время Я. М. Букшпан рассматривается как оригинальный философ¹³.

В 1920-е гг. внимание О. Шпенглера уделил А. Ф. Лосев, который в целом повторил мысль Н. А. Бердяева: «Шпенглер проморгал христианство, растворивши его в арабской и новоевропейской культуре; я же думаю, что христианство — совершенно самостоятельный культурный тип»¹⁴. В 1933 г. В. Ф. Асмус писал об О. Шпенглере в своей книге «Маркс и буржуазный историзм», но это уже образец идеологической работы, а не философии.

Следующее серьезное обращение к О. Шпенглера в России состоялось в статье С. С. Аверинцева «„Морфология культуры“ Освальда Шпенглера» (1968). Статья имеет просветительский характер, но в ней содержится одно принципиальное критическое замечание: для О. Шпенглера, пишет С. С. Аверинцев, «всякое плодотворное взаимодействие культур исключено; якобы имеющиеся примеры этого — иллюзия. Шпенглер специально разбирает случаи рецепции античных идей в эпоху Возрождения, римского права в „фаустовской“ Европе и античных форм в „раннемагической“ Византии, стремясь доказать, что во всех этих случаях происходило простое недоразумение, ибо воспринявшая влияние молодая культура немедленно подчиняла все своему собственному ритму, такту и вкусу»¹⁵. Собственно, сам С. С. Аверинцев отталкивался именно от этого шпенглеровского казуса с полным игнорированием восточнохристианской культуры — и ответил на этот казус-вызов построением своей великолепной концепции.

В продолжение концепции С. С. Аверинцева нами была предложена концепция «библейской цивилизации» Ближнего Востока, наследниками которой стали православный Новый Рим («Византия») и Россия, и по отношению к которой «фаустовский» Запад стал «псевдоморфозой»¹⁶.

Современный исследователь наследия О. Шпенглера в России К. А. Свасьян предложил и наиболее точную, на наш взгляд, формулировку места России как локальной цивилизации в историческом процессе. Он писал:

...уникальность русского духа, того самого духа, которому выпало на долю стать *déjà vu* самого себя, еще до того как он узрел свет дня. Мы учимся отдавать этому духу должное, вникая в его *curriculum vitae*. Поздний плод в предчувствии своего непростительно раннего ухода, дитя, впадшее в старчество, или, словами Ницше: «Роковая одновременность весны и осени» — таков камертон, по которому

¹² Букшпан Я. М. Неопреодоленный рационализм // Там же. С. 93.

¹³ См.: Пустарнаков В. Ф. К оценке философской позиции Я. М. Букшпана в статье «Неопреодоленный рационализм» сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» // История философии. 2000. № 6. С. 180–197.

¹⁴ Лосев А. Ф. Черки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. С. 704.

¹⁵ Аверинцев С. С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера. С. 194.

¹⁶ См.: Даренский В. Ю. О. Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историческим прозрениям // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 116–134.

мы настраиваем наше восприятие русского духа, чтобы не подпасть чарам его европейскости. Ибо насколько верно, что дух этот (с Петра Великого) возникает в равнении на Европу и хочет быть Европой, настолько же верно, что при такой идиосинкразии едва ли можно было избежать сильнейшего противозффекта¹⁷.

Однако парадокс состоит в том, что Россия как «молодой» участник европейской культуры была вынуждена сразу же усваивать ее поздние, «старческие» плоды и доводить их и до совершенства, и до их исторического и логического конца. Вместе с тем, К. А. Свасьян думает, подобно авторам книги 1922 г., что миссия России состоит также и в спасении европейской культуры: «Философы, историки, любители, специалисты долго еще будут спорить о том, Европа ли Россия или не Европа. Еще долго географические суеверия будут отпугивать мысль от действительного положения вещей... Пусть профессиональные разметчики духа все еще удерживают Европу там, где ее меньше всего, и не замечают ее там, где она... больше самой себя»¹⁸. Вероятно, в России Европа действительно стала «больше самой себя», но миссия России состоит не в этом, а в преемстве библейской цивилизации.

Стоит кратко упомянуть тех авторов, которые осуществляли рецепцию идей О. Шпенглера в России — в той их части, которая касается будущего русской цивилизации. Так, культуролог-эссеист Б. Парамонов в статье «Шпенглер о России» обобщил его идеи следующим образом:

Появление Достоевского свидетельствует, в каком направлении будет двигаться подлинная русскость после свержения петровского ига: в сторону выявления черт магической души, магической культуры, характеризующейся совместным, со-гласным пребыванием в истине... Будущая русская культура, развивающаяся в линии Достоевского, реализует потенции Иоаннова христианства, христианства Слова — как вместилища божественных смыслов, открывающихся только коллективной, соборной душе. Тем самым христианство вообще впервые реализуется в культурной истории, ибо в фаустовской культуре Запада его не было — было только заимствование ритуалов и перетолкованных текстов. Решающий шаг к рождению этой будущей русско-христианской культуры будет сделан, когда русский народ свергнет большевизм, это порождение подонков петровского периода¹⁹.

Как видим, этот автор доводит идеи О. Шпенглера до логического предела и радикализует их — судя по всему, в весьма ироническом ключе, то есть не веря в них. Такое двойственное отношение вполне естественно, поскольку всякое предсказание о будущем гипотетично.

В свою очередь, культуролог-эссеист В. А. Сендеров предлагает такую итоговую формулировку прогноза О. Шпенглера:

Впереди — необычайный духовный подъем, «иоанновское» христианство, «христианство Достоевского». Новая культура вспыхнет и бурно разовьется на территории юной, скованной чуждыми ее душе формами жизни, но уже готовой к пробуждению страны... Каковы же реальные предпосылки такого развития России?.. Загадка разгадывается просто. В своей схематизации истории Освальд Шпенглер упрятал православное, византийское тысячелетие в «магическую культуру»... Истинно немецкий мыслитель, Шпенглер не чувствовал Православия; судя по многочисленным досадным натяжкам в «Закате Европы», он попросту и не знал его в достаточной мере. Посмотрим же на «новое», «русское» христианство с позиций традиционного исторического Православия. «Все виноваты во всем...» Да это же

¹⁷ Свасьян К. А. П. А. Флоренский // *Его же*. Растождествление. М.: Эвидентис, 2006. С. 268.

¹⁸ Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // *Шпенглер О. Закат Европы*. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 122.

¹⁹ Парамонов Б. Шпенглер о России // *Звезда*. № 6. 2000. С. 208.

одно из глубочайших, «базисных», если можно так выразиться, ощущений православного мировоззрения! «Иоанновское христианство»? Верно: в православной традиции особое почитание Иоанна Богослова, исключительное значение «Евангелия от Иоанна» играют огромную роль. «Христианство Достоевского»? Да: древнее, «магическое» христианство Исаака Сириянина и других великих авторов первого тысячелетия²⁰.

При этом В. А. Сендеров также относится к этим прогнозам весьма скептически, а саму Россию считает не более чем частью Европы, которой лишь «посчастливилось» продлить агонию ее культуры: «Нет, Россия не создаст нового христианства. Но — последнем за Шпенглером — ее грядущая история продлит собою „закат Европы“ — быть может, на столетие-другое; и когда пройдет отмеренный срок, тогда христианская, европейская культура действительно завершится. Здесь, на заснеженных просторах России»²¹.

К. А. Свасьян также возлагает на Россию свои последние надежды. В своей статье «О будущем Европы в свете ее настоящего: „Закат Европы“ О. Шпенглера и его предварительные итоги» он пишет о человеке Запада: «Его обезболили комфортом, прежде чем ампутировать ему умственно важные органы, и он даже не почувствовал, без чего он вообще остался»²². И поэтому «Россия, вместо того чтобы и дальше культивировать свое низкопоклонство и доказывать ему свою приверженность к демократии, могла бы именно здесь попробовать свои силы в оказании ему гуманитарной помощи»²³. Последняя формулировка К. А. Свасьяна оказалась вполне пророческой — в наши дни, в эпоху *cancel culture* и СВО она полностью сбывается.

Почему О. Шпенглер стал столь насущным для русской мысли фактическим продолжателем «славянофильских» идей? Потому что как бы «методом от противного» — с позиции внешнего европейского наблюдателя — убедился в их истинности. Однако стоит уточнить, в чем состоит главное основание «славянофильских» прогнозов. Вопреки ходячему ложному мифу, «славянофильство» было занято вовсе не обоснованием «самобытности» России (это лишь частный вопрос, который роднит «славянофильство» с европейским романтизмом), а обоснованием существования и перспектив иной, не-европейской христианской цивилизации, сохраненной Россией и призванной прийти на смену умирающему Западу. Правда «славянофилов» стала уже эмпирически очевидной сейчас, в XXI в.

Русское историческое сознание изначально формировалось не на основе этнической или государственной идентичности, а на основе принадлежности к Руси как сакральной общности православного народа. В этом отношении оно было таким же, как и сознание избранного народа Ветхого Завета. Более поздние типы исторического сознания русских уже «наслаивались» на эту изначальную сакральную «матрицу» и благодаря этому приобретали особое сакральное измерение — в первую очередь понимание сущности русской имперской государственности²⁴. В свою очередь, отступление народа от Церкви неизбежно привело к разрушению национального исторического самосознания, поскольку была разрушена его изначальная основа. В соответствии с законом национального бытия, в свое время сформулированным Ф. М. Достоевским — «у нас вся народность основана на христианстве» (письмо А. Ф. Благодравову от 19 декабря 1880 г.) — утрата православной веры делает русских толпой без национальности, а их историческое сознание подменяется либо либеральным космополитизмом, либо советским антихристианством.

²⁰ Сендеров В. А. Заклясть судьбу? Злободневность Освальда Шпенглера // Новый мир. 1999. № 11. С. 155.

²¹ Там же. С. 156.

²² Свасьян К. А. О будущем Европы в свете ее настоящего: «Закат Европы» О. Шпенглера и его предварительные итоги // *Его же*. «...Но еще ночь». М.: Evidentis, 2013. С. 68.

²³ Там же. С. 69.

²⁴ См.: Даренский В. Ю. Империя как подвиг свободы: евангельские основания русской имперской государственности // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 98–115.

Московский Кремль. Вид со стороны Теремного Дворца на купола Верхоспаского собора. Позади виден Успенский собор и колокольня «Иван Великий»

Поэтому только православное учение о Москве — Третьем Риме может быть единственной серьезной основой возрождения русского исторического сознания уже и в наше время. Это учение должно быть сформулировано на языке современной науки и культуры, однако его смысл от этого не меняется. Россия как государство и цивилизация является преемником православной империи и цивилизации Нового Рима (для которого на Западе была в XVII в. придумана оскорбительная кличка «Византии»). Для воцерковленных людей этот факт очевиден и не требует специального обоснования. Однако людям светским он, как правило, непонятен и представляется в крайне искаженном и карикатурном виде. Для преодоления этой ситуации требуются большие просветительские усилия. Вместе с тем, имя Третьего Рима несет в себе не только специфически христианские смыслы, но и смыслы общекультурные, которые могут быть понятны и светскому человеку. «Рим» как символ есть синоним цивилизованного содружества народов. «Третий» указывает на преемство России с великой традицией римской цивилизации, на которую претендует также и Запад. В настоящее время Запад стал антицивилизацией, разрушающей все фундаментальные ценности, созданные христианской традицией, и превращающей человека в inferнальное существо. Поэтому в современном мире Россия оказывается последней хранительницей не только специфически христианского, но и римского цивилизационного наследия. Эти два уровня смысла Москвы как Третьего Рима — сакральный и секулярный — в равной степени важны для современного русского исторического сознания.

Этим определяется и особый *героический и трагический эсхатологизм русского самосознания*. Но даже и это эсхатологическое мироощущение было сформулировано О. Шпенглером: «Время неудержимо, обратного пути нет, как нет и мудрого отречения. Лишь мечтатели верят в наличие выхода. Оптимизм является *трусостью*».

Мы рождены в это время и должны смело пройти до конца предназначенный нам путь... Стоять, как тот римский солдат, чьи кости нашли перед воротами Помпеи, погибший, потому что ему забыли отдать приказ об отходе во время извержения Везувия... Этот полный чести конец есть единственное, чего нельзя отнять у человека»²⁵.

Русская философия узнала в О. Шпенглере свои собственные заветные мысли и поэтому оценила его, как никакая другая философия в мире. Самое глубокое прозрение о России, которое на Западе сделал О. Шпенглер, имеет продолжение у ряда других мыслителей, начиная с В. Шубарта. Все, что еще живо в европейской культурной традиции, будет спасено Россией.

Источники и литература

1. *Аверинцев С. С.* «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Культура и религия. Ежегодник Философского общества СССР. М.: Наука, 1991. С. 183–203.
2. *Бердяев Н. А.* Предсмертные мысли Фауста // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 55–72.
3. *Букшпан Я. М.* Неопреодоленный рационализм // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 73–95.
4. *Голосенко И., Султанов К.* Культурная морфология О. Шпенглера о «ликах России» // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 3. С. 43–54.
5. *Даренский В. Ю.* Империя как подвиг свободы: евангельские основания русской имперской государственности // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 98–115.
6. *Даренский В. Ю.* О. Шпенглер о «двойном лике России»: от культур-мифологии к историософским прозрениям // Тетради по консерватизму. 2020. № 4. С. 116–134.
7. *Лосев А. Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
8. *Парамонов Б.* Шпенглер о России // Звезда. № 6. 2000. С. 204–212.
9. *Пустарнаков В. Ф.* К оценке философской позиции Я. М. Букшпана в статье «Неопреодоленный рационализм» сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» // История философии. 2000. № 6. С. 180–197.
10. *Свасьян К. А.* О будущем Европы в свете ее настоящего: «Закат Европы» О. Шпенглера и его предварительные итоги // Свасьян К. А. «...Но еще ночь». М.: Evidentis, 2013. С. 44–70.
11. *Свасьян К. А.* Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М.: Мысль, 1998. Т. 1. С. 5–122.
12. *Свасьян К. А.* П. А. Флоренский // Свасьян К. А. Растождествление. М.: Эвидентис, 2006. С. 268–283.
13. *Сендеров В. А.* Заклясть судьбу? Злободневность Освальда Шпенглера // Новый мир. 1999. № 11. С. 148–157.
14. *Степун Ф.* Освальд Шпенглер и закат Европы // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 5–30.
15. *Франк С. Л.* Кризис западной культуры // Освальд Шпенглер и закат Европы. М.: Берг, 1922. С. 33–54.
16. *Шпенглер О.* Годы решений. Германия и всемирно-историческое развитие. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 222 с.
17. *Шпенглер О.* Двойной лик России и немецкие восточные проблемы // Шпенглер О. Политические произведения / Пер. с нем. М.: «Канон +», 2009. С. 5–20.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. М.: Мысль, 1998. 606 с.
19. *Шпенглер О.* Прусская идея и социализм // Пессимизм? М.: Крафт+, 2003. С. 127–257.
20. *Шпенглер О.* Человек и техника // Культурология XX век. М.: Юрист, 1995. С. 454–492.

²⁵ Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX век. М.: Юрист, 1995. С. 491.